

Гагиев Харон Рашитович

Gagiev Kharon Rashitovich

соискатель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

External PhD student,
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ УГРОЗАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SOCIAL AND POLITICAL MECHANISMS TO COMBAT TERRORIST THREATS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация:

Террористические угрозы как социально-политическое явление представляют собой совокупность антисоциальных действий. В связи с этим центральным для современной науки становится осмысление сущности феномена терроризма, инициируемых им процессов с привлечением как классических программ, так и новых подходов, основанных на коррекции оценок тенденций современного развития. Всестороннее научное обсуждение феномена терроризма необходимо с учетом фиксируемого в мире прироста числа террористических атак и их глобальных последствий. Терроризм остается опасным фактором дестабилизации социально-политической ситуации в стране, угрозой национальной безопасности и территориальной целостности России. Терроризм не ограничивается конкретными географическими зонами и становится все более транснациональным феноменом. Автор рассматривает современное состояние социально-политических механизмов противодействия терроризму в рамках Российской Федерации; формулируются предложения, направленные на повышение их эффективности в борьбе с террористическими угрозами.

Ключевые слова:

терроризм как социально-политическое явление, риски и угрозы террористических атак, противодействие террористическим вызовам, социально-политические механизмы нейтрализации террористической идеологии, усиление борьбы с террористическими угрозами.

Summary:

Terrorist threats as a social and political phenomenon are a combination of antisocial actions. In this regard, the understanding of the phenomenon of terrorism and the processes initiated by it, involving both classical programs and new approaches based on the correction of the existing estimates of the current trends in development, becomes central to modern science. A comprehensive scientific discussion of the phenomenon of terrorism is necessary in view of the worldwide increase in the number of terrorist attacks and their global consequences. Terrorism remains a dangerous factor destabilizing the social and political situation in the country, a threat to the national security and the territorial integrity of Russia. Terrorism is not limited to specific geographical areas and is becoming an increasingly transnational phenomenon. The author examines the current state of the social and political mechanisms of countering terrorism within the Russian Federation, provides options to improve their effectiveness in combating terrorist threats.

Keywords:

terrorism as a social and political phenomenon, risks and threats of terrorist attacks, countering terrorist challenges, social and political mechanisms for neutralizing terrorist ideology, strengthening the fight against terrorist threats.

Современный мир переживает кардинальные и динамичные изменения. Глобализация стирает границы между внешней и внутренней политикой государств, между мировой и национальной культурой, порождая наряду с прогрессивными явлениями новые виды и формы глобальных вызовов, в числе которых особое место принадлежит террористическим угрозам.

Значение борьбы с террористическими угрозами, приобретающими трансграничный характер, стремительно возрастает, что требует диверсификации сложившихся форм и методов анти-террористической деятельности, расширения участия в ней институтов гражданского общества. Формирование социально-политических механизмов противодействия террористической опасности обуславливает потребность научного поиска эффективных средств борьбы с терроризмом, укрепления взаимодействия институтов гражданского общества и государства в целях недопущения распространения идеологии терроризма.

До середины прошлого века терроризм относили к локальным социально-политическим явлениям, имеющим сугубо национальное, региональное значение. Соответственно, в справочных изданиях XIX и первой половины XX в. отсутствует термин «терроризм». Его заменяет описание конкретных «террористических режимов: «красного» яacobинского и «белого» роялистского во Франции (1815–1816 гг.); террора русских народовольцев, ирландцев или басков «снизу», государственного террора тоталитарных диктатур «сверху»» [1, с. 87–88].

Начиная с 90-х гг. XX в. терроризм становится социально-политическим явлением мирового масштаба, от угрозы которого не застраховано ни одно государство, ни одно общество. В описании данного явления все большее значение придается античеловеческой идеологии протестного движения, паразитирующей на гибели ни в чем не повинных людей; террористической

деятельности, нацеленной на свержение существующего легитимного строя, распространение в обществе страха, паники, чувства незащитности от фанатиков идеологии терроризма.

В настоящее время в науке и официальных документах существует, по экспертным оценкам, более 200 определений терминов «терроризм» и «террористическая угроза», однако ни одно из них не стало универсальным, общепринятым всеми государствами [2]. Более того, данные категории зачастую употребляются в политической борьбе, когда та или иная страна вольна сама отнести социальные группировки к «террористам» или к «борцам за свободу» [3].

Социально-политические исследования показывают, что абсолютное большинство респондентов не признает террористическую деятельность как легитимное право «справедливой борьбы угнетенных народов за свое освобождение, за свои права и свободы» [4]. Сторонники данной точки зрения считают, что такие методы отстаивания прав граждан, этнических групп (общностей) несовместимы с принципами, моралью и статусом современного человека (гражданина). В то же время текущее состояние, уровень эффективности функционирования социально-политических механизмов противодействия терроризму нельзя признать удовлетворительными.

Научные исследования подтверждают, что в качестве социально-политических инструментов повышения эффективности противодействия террористической деятельности могут быть использованы механизмы, обеспечивающие: порядок и прогресс человеческих обществ (М.М. Ковалевский); конструктивное взаимодействие людей друг с другом, порождающее положительные эффекты, вытекающие из этого процесса (П.А. Сорокин); связи между многообразными социальными общностями, личностью и общностями (В.А. Ядов); социальную солидарность (Э. Дюркгейм); социальное взаимовлияние (Г. Зиммель); формирование гуманной модели поведения, основанной на общечеловеческих ценностях, социальных намерениях, убеждениях и мнениях (М. Вебер); социальный консенсус в отношении институционализированных образцов ценностных ориентаций в социальной системе (Т. Парсонс) [5]; социальную типизацию (А. Шюц); социальные правила и ресурсы (Э. Гидденс); коммуникативное взаимопонимание и ориентирование на результат (Ю. Хабермас); коллективное поведение (Р. Парк и Э. Берджесс); социальные действия и их связи (А. Инкелес); становление, развитие и функционирование социальных общностей и форм их самоорганизации (В.А. Ядов); развитие систем и организации взаимодействия внутри общества (Г.В. Осипов) и др.

Перечень социально-политических механизмов противодействия террористическим угрозам России открыт. Более того, он может изменяться в зависимости от выявления новых видов террористических угроз (биотерроризма, кибертерроризма), уточнения масштабов угроз, корректировки средств и форм их нейтрализации.

Эксперты фиксируют распространение террористической идеологии на российских территориях и, как результат, – расширение географии терактов, увеличение числа террористических актов в стране. К Москве и территории Северо-Кавказского федерального округа, где раньше совершались террористические акты, добавились Санкт-Петербург, Казань, Волгоград, Воронеж и др.

По данным официальных органов, в 56 субъектах Федерации зафиксированы преступления террористического характера (в 2014 г. – 1 128, 2015 – 1 538). Согласно материалам доклада генпрокурора Российской Федерации Ю. Чайки [6], «за 2016 г. в России на 45 % увеличилось количество зарегистрированных преступлений экстремистского и террористического характера» [7]. Значительная их часть совершается с использованием сети Интернет. По сравнению с данными 2014 г. более чем на 50 % возросло число случаев возбуждения ненависти, вражды, унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

Согласно официальным данным, основная масса преступлений террористического характера совершается на территории Северо-Кавказского федерального округа (в 2014 г. – 883, 2015 – 1 168). Вместе с тем социологические опросы показывают, что в северокавказских республиках к идеологии терроризма проявляют приверженность не более 4,5 % опрошенных, склонность – 5,7, ситуационную подверженность – 8,3 %. Склонные к идее терроризма не фиксируют свою принадлежность к российскому обществу, идентифицируя себя как жителя конкретной местности. Приверженцы антитеррористической идеологии прямо указывают на собственную принадлежность к российским гражданам.

По мнению 34–40 % респондентов, с Россией ведется террористическая война, объявленная международным террористическим сообществом. По данным социологических исследований, 85 % опрошенных уверены в существовании связи терактов с международными террористическими организациями. В то же время порядка 42–49 % принявших участие в исследовании склонны считать, что конкретные террористические акты имеют локальную историю и цель.

В общественном мнении присутствует недовольство бюрократическими, заформализованными, недостаточно эффективными мерами, принимаемыми властью, действиями отдельных ее представителей в разрешении длительных конфликтов, социального противостояния, что, по мнению граждан, способствует распространению идеологии терроризма. Исследователи отмечают невысокую эффективность противодействия идеологии терроризма. Оценки по 10-балльной шкале показывают, что в большинстве субъектов Российской Федерации она не дотягивает до 5 баллов, располагается в промежутке от 3,75 (Дагестан) до 4,75 (Башкортостан).

По данным социологических опросов, от 65 до 67 % респондентов считают, что органы государственной власти (спецслужбы) не могут защитить граждан от возможных террористических актов. Ответственность за недостаточно эффективное противодействие террористическим угрозам опрошенные возлагают на спецслужбы (41–45 %), правоохранительные органы (23–28), самих недостаточно бдительных граждан (8–12 %). Из изложенного следует вывод, что социально-политические механизмы укрепления толерантности, снятия социального напряжения, противостояния, конфликтов; развития социальной мобильности; свободного (законного) выражения своих религиозных и политических взглядов населением задействованы не должным образом.

В исследовании, представленном А.В. Роговой, отмечается, что усиление идеологии терроризма связано «не с причинно-следственными, а вероятностными, факториальными зависимостями» [8, с. 43]. Это во многом объясняет тот факт, что предпринятые властью после событий в Беслане в 2004 г. попытки мобилизовать общество на борьбу с террористическими угрозами не увенчались успехом. Так, если в 2004 г. порядка 60–62 % респондентов поддерживали мнение об участии населения в защите собственной безопасности, то в последующие годы эта доля существенно снижалась, повышаясь лишь при очередном теракте. Граждане придерживаются точки зрения, что борьба с террористическими угрозами – дело специальных органов (в 2004 г. так считали 35 % респондентов, 2005 – 46, 2010 – 48, в 2016 г. – 64 %).

Не находят поддержки у населения и традиционные способы борьбы с террористическими угрозами путем ограничения прав и свобод граждан. Население выступает против введения цензуры в СМИ (46–49 %), запрета забастовок и других массовых акций (65–68), отмены выборов (69–73), прослушивания телефонов (65–69), введения чрезвычайного положения (58–63), приостановления деятельности оппозиционных партий (47–53 %). В то же время поддерживаются меры введения смертной казни для террористов (84–87 %), уничтожения террористов и их баз за пределами России (81–84), ужесточения уголовного законодательства за пособничество террористам (63–64), введения дополнительных ограничений в миграционном законодательстве (57–59), расширения полномочий правоохранительных органов (58–62), более жесткого общественного контроля за деятельностью органов правопорядка (75–78), повышения уровня взаимодействия институтов гражданского общества и правоохранительных органов (31–34 %).

Исследователи к инструментам предупреждения терроризма относят «принятие и реализацию федеральных и региональных программ, направленных на предотвращение национальных, конфессиональных, этнических конфликтов»; взаимодействие государственных и муниципальных органов, институтов гражданского общества по недопущению фактов радикализма религиозной нетерпимости и др. [9, с. 12].

В данных условиях повышение эффективности противодействия террористическим угрозам многие ученые связывают с комплексным задействованием социально-политических механизмов, конструктивным взаимодействием органов государственной власти и институтов гражданского общества, направленным на искоренение питательной среды терроризма. Системообразующим основанием многообразных социально-политических механизмов, которые могут быть использованы в борьбе с террористическими угрозами, является их нацеленность на массированное повсеместное противодействие идеологии терроризма, защиту общественных интересов в области прав и свобод, безопасности граждан, недопущение террористических актов, искоренение потенциала возникновения и развития реальных и потенциальных угроз.

В качестве основных направлений применения социально-политических инструментов борьбы с террористической идеологией и угрозами в Российской Федерации можно выделить развенчание идеологии терроризма, препятствование достижению целей терактов, выработку иммунитета на призывы вступить в преступное сообщество (сокращение притока новых людей), недопущение финансовой и материальной поддержки терроризма.

Ссылки и примечания:

1. Викторов А.Ш. Теоретико-методологические основы изучения современного терроризма и безопасности // Основы социологии терроризма : коллективная монография. М., 2008. С. 79–153.
2. Страны, оберегая свой суверенитет, оставляют за собой право самим определять, что составляет терроризм и что следует относить к нему.
3. Хороших В.В. Проблемы противодействия международному терроризму // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности : сб. науч. ст. : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 172–173.
4. Роговая А.В. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма (по материалам социологических исследований, проведенных с 2009 по 2015 г. Институтом социологии РАН) // Ойкумена. 2016. № 3. С. 45–54.
5. Parsons T. Theories of Society. N. Y., 1961.
6. Доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального собрания РФ [Электронный ресурс] : от 26 апр. 2017 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/events/news-1186517/> (дата обращения: 21.12.2017).
7. Число террористических преступлений в России за год выросло на 45 % [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/defense_safety/20170425/1493045885.html (дата обращения: 21.12.2017).
8. Роговая А.В. Указ. соч. С. 48.
9. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Противодействие экстремизму и терроризму // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 2. С. 4–12.